
Чалмаев В.А.

Образы солнца, степного простора, песни в «Тихом Доне»

Прежде чем искать все виды причинно-следственных взаимосвязей между событиями в четырех книгах эпопеи, между персонажами — а их в «Тихом Доне» более 600! — следует хотя бы бегло оценить «жизнь», «поведение», глубочайшее духовно-интеллектуальное значение природных образов, в которых именно народ осознает круговорот бытия, свое место на земле и в мире. Эти природные образы скрепляют воедино бытовые, хроникально-исторические линии романа, драмы в семьях Мелеховых, Листницких, Коршуновых, Кошевых. Весь трагический путь Григория Мелехова как бы отмечен постоянными «диалогами» с вечными природными образами. Через них — образы солнца, простора, народной песни — свершается и взаимосвязь героев с самим автором, вернее, с духовным миром, с душой и сердцем великого лирика Шолохова. Английский писатель Чарльз Сноу, гость Вёшенской, очень пронизательно заметил в романе то, что часто уходит из поля зрения многих: «Под внешней оболочкой «Тихого Дона» скрывается страстное субъективное восприятие жизни».

Какую эволюцию «проходит» в «Тихом Доне» образ солнца?

Оно — важнейшая часть не пейзажа, а всего шолоховского эпического мира, существо, самое близкое страстным, бурным характерам его героев.

Солнце Шолохова не просто жаркое, южное, непохожее на северное солнце, которое то и дело умиряют дожди, слякоть, которое, как писал Тютчев, «неохотно и несмело... смотрит на поля». Шолоховское солнце само имеет огромную власть над миром, оно очень «смело» и охотно «смотрит» на мир, творит его:

«С крыши капало, серебрились сосульки, дегтярными полосками чернели на карнизе следы стекавшей когда-то воды. Ласковым телком притулялось к оттаявшему бугру рыжее потеплевшее солнце, и земля набухла, на меловых мысах, залысынами стекавших с обдонского бугра, малахитом зеленела ранняя трава».

Солнце в «Тихом Доне» не только воздействует на состояния героев, наделяя их радостями весны или лета, делая и их «потеплевшими» или угрюмо-озабоченными. Оно и само поддается... человеческим воздействиям! Это солнце грозное, «независимое», но одновременно и крайне чувствительное. Оно «принимает» в себя человеческие тревоги, порывы, отчаянье, проклятья. И тут же окрашивается в цвета надежды или печали!

Вспомните такие эпизоды, когда солнце вселяло и разделяло радость, согревало души. Когда весь хутор Татарский или другой уголок России предстал как земля обетованная, земля в первый день творенья:

«Солнце насквозь пронизывало седой каракуль туч, опускало на далекие серебряные обдонские горы, степь, займище и хутор веер дымчатых преломленных лучей...»

Вспомните эпизоды, в которых солнце словно впитывает муки, горе людей, смрад тления на полях битв первой мировой войны. Ведь тогда этот же веер лучей делается совсем иным, солнце словно разделяет вакханалию мира, становится обескровленным:

«...Лили на тусклую ряднину неба нежно-сиреневые дымчатые отсветы; в середине вся эта бесформенная громада корячилась, как крыги в ледоход на заторе, рассачивалась, и в пролом неослабно струился апельсинного цвета поток закатных лучей. Он расходился брызжущим веером, преломляясь и пылясь, вонзался отвесно, а ниже пролома неожиданно сплетался в вакханальный спектр красок».

В финальном эпизоде эпопеи, когда Григорий Мелехов молчаливо, в полном одиночестве, хоронит Аксинью, хоронит одну из последних своих надежд на осмысленную, нужную людям жизнь, его лицо озарило — какое неожиданное превращение! — «черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца».

...У *образа простора* — еще более сложный язык и своя стратегическая задача. Лазоревая степь, безграничный манящий простор создают в героях энергию мечты, свободулюбие, порождают жажду немедленного действия, неукротимое стремление изменить, даже в горниле испытаний, к лучшему свою судьбу.

Автор и герои «Тихого Дона» отдают немало душевных сил, чтобы взрастить, взлелеять в себе это отраднейшее из чувств — чувство простора. Мир для них все еще безбрежен, обжит душевно и сердечно, всегда нов, непредсказуем. Шолоховские обращения к степи — это одновременно и путь самопознания героев эпопеи. Простор не нужен лишь сухим книжным или ожесточившимся героям вроде Штокмана, Чубатого, Мишки Кошевого в финале эпопеи. Все иначе — в душе семьи Мелеховых. Еще ничто не безнадежно, пока есть в душе образ простора, силуэт «Дона Ивановича»! Образ далей, одухотворенной бесконечности мира столь важен, что неширокий, в сущности, Дон временами становится у Шолохова, как Днепр у Гоголя, необъятен, могуч, «чуден».

«Степь родимая! Горький ветер, оседающий на гривах косячных маток и жеребцов. На сухом конском храпе от ветра солоно, и конь, вдыхая горько-соленый запах, жует шелковистыми губами и ржет, чувствуя на них привкус ветра и солнца. Родимая степь под низким донским небом! Вилложины балок, суходолов, красно-глинистых яров, ковыльный простор с затравевшим гнездовым следом конского копыта, курганы в мудром молчании, берегущие зарытую казачью славу... Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачья, не ржавеющей кровью политая степь!»

Как в истинной эпопее простор «Тихого Дона» — не пустота, не чисто физическая безлюдная пространственность. Здесь все насыщено и болью утрат, и настойчивостью борьбы за счастье, и редкой глубиной печали. Простор в «Тихом Доне» в известном смысле «тесен», исключительно плотен.

Исследователи подсчитали: в «Тихом Доне» насчитывается около двухсот пятидесяти описаний природы с «участием» солнца, простора, голосов земли. Целые разделы и начинаются, и заканчиваются описаниями природы. Пейзаж или предвосхищает главную тему главы, или раскрывает авторскую оценку поведения героя, смысл всей ситуации.

Образ песни — чаще всего протяжной, поющей непременно коллективно, с предельной сосредоточенностью на слове, на сюжете и песенной ситуации — сопровождает все деяния, перемещения героев. Песня «досказывает», «выпевает», оформляет их состояния. Песней скрепляются разобщенные души, она заставляет каждого отбросить ожесточение, вспомнить, что «человек — твое первое имя».

В главе VII кн. 2 «Тихого Дона» песенники, поющие в тишине, невидимы, отдалены, но их голоса, их партии — предельно близки к читателю:

«Поехал казак на чужбину далеку,
На добром своем коне вороном,
Свою он краину навеки покинул...

Убивается серебряный тенорок, и басы стелят бархатную густую печаль:

Ему не вернуться в отеческий дом.

Тенор берет ступенчатую высоту, хватает за самое оголенное:

Напрасно казачка его молодая
Все утро и вечер на север смотрит.

Рассказывают голоса нехитрую повесть казачьей жизни, и тенор-подголосок *трене-щет жаворонком* над апрельской талой землей».

Сколько раз главный герой эпопеи, не берущий в руки ни разу газеты, листовки, не слышащий шумных ораторов, бывает заморожен, погружен в трагические события именно песней! Она — вечный его собеседник, самый сокровенный и современный. В ней сказано обо всем: и об утратах в настоящем тоже...

В главе XIX Григорий услышал, как поют, а точнее, «песню играют», «запеснячивают» казаки из Еланской станицы. Он долго стоял, «привалившись к беленому фундаменту куреня, не слыша ни конского ржания, ни скрипа проезжавшей по проулку арбы»...

Песня сопровождает ход событий, завершает их, рисует душевный мир героя, подводящего итоги.

В наибольшей мере герой эпопеи был потрясен песней уходящего — куда? в безвестность? — полка о том, как

жили, проживали казаки — люди вольные,
Все донские, гребенские да яицкие.

Уходит из донских степей в эмигрантское рассеяние, в безвестность чужбины не полк, а вся былая жизнь, наивная, беспечная, безрассудная во многом, но полная душевной щедрости.

«Словно что-то оборвалось внутри Григория... Внезапно нахлынувшие рыдания потрясли его тело, спазма перехватила горло. Глотая слезы, он жадно ждал, когда запевала начнет, и беззвучно шептал вслед за ним знакомые с отроческих лет слова:

Атаман у них — Ермак, сын Тимофеевич,
Есаул у них — Асташка, сын Лаврентьевич.

...Над черной степью жила и властвовала одна старая, пережившая века песня... И в угрюмом молчании слушали могучую песню потомки вольных казаков, позорно отступавшие...»

Прекрасно сказала (в одном из неопубликованных докладов) о шолоховской песенности С. Семенова:

«Казачья песня концентрирует в себе извечный опыт любви и ухода, войны, разлуки с домом... Она сгущает поток жизни, создает точки эмоционального сгущения. В пространстве песни располагаются лучшие моменты катарсиса» (то есть просветления, «выпрямительного вздоха души»).

Из этих трех природных вечных стихий герои «Тихого Дона» (и прежде всего семья Мелеховых) и сходят, вторгаются в историю, вовлекаются в ее деяния, иногда страшные для них. Это совершенно новая черта эпоса, меняющая в корне представление о его интеллектуальности, о «низовой» и «верхушечной» России.